

Белкин А.Р., доктор юридических наук,
профессор Московского государственного ун-та
приборостроения и информатики

Допустимость насилия в уголовном судопроизводстве **Admissibility of violence in criminal proceedings**

Комплекс важнейших статей УПК РФ, связанных с защитой прав личности, при внимательном изучении вызывает немало вопросов.

Так, часть 1 ст. 9 УПК провозглашает, что в ходе уголовного судопроизводства запрещаются осуществление действий и принятие решений, унижающих честь участника уголовного судопроизводства, а также обращение, унижающее его человеческое достоинство либо создающее опасность для его жизни и здоровья.

К сожалению, без особых оговорок это не более чем декларация. Как справедливо указывает А.П. Гуляев, "закон сам по себе не может вызывать или навязывать должностным лицам, ведущим уголовное производство, однозначно положительного психологического отношения к каждому человеку, который участвует в уголовном процессе. Речь идет <...> о таком внешне выраженном отношении к человеку, в том числе выраженном в действиях и решениях по делу, которое соответствует должностному лицу как представителю государственной власти и лишено признаков пренебрежения, оскорбления, унижения" [1].

Н.А. Колоколов отмечает, что к бесчеловечному обращению "относятся факты преднамеренного причинения человеку реального физического вреда, а равно глубоких физических или психических страданий. Условия содержания обвиняемых под стражей должны быть совместимы с уважением к человеческому достоинству. Унижающим достоинство признается обращение, которое вызывает у лица чувство страха, тревоги и собственной неполноценности. Лицам, содержащимся под стражей, не должны причиняться

лишения и страдания более тех, которые являются неизбежными при лишении свободы, а их здоровье и благополучие должны быть гарантированы с учетом практических требований режима содержания" [2].

Со всем этим трудно не согласиться; однако следует отметить, что вынесение обвинительного приговора, безусловно, пятнает репутацию осужденного, личный обыск или освидетельствование, сопровождающееся обнажением, унижает человеческое достоинство личности, а задержание лица, оказывающего сопротивление, нередко чревато опасностью для его здоровья, а то и самой жизни. Безусловно, прав А.В. Смирнов, указывающий на необходимость толкования данной нормы не буквально, но ограничительно: запрещению подлежат действия, неправомерно и незаслуженно унижающие честь и достоинство человека [3].

Столь же декларативна и вторая часть рассматриваемой статьи: никто из участников уголовного судопроизводства не может подвергаться насилию, пыткам, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению.

Если по поводу пыток особых неясностей не возникает (хотя УПК определения этого понятия не дает) [4], то обращение, унижающее человеческое достоинство, как уже отмечено выше, может, увы, быть законным и правомерным. И вновь упоминать о нем в части второй уже нет никакой необходимости.

Наконец, вопрос о применении насилия в уголовном процессе заслуживает отдельного рассмотрения. Чем иным, как не насилием над личностью, может считаться применение любой меры пресечения, вплоть до заключения под стражу, задержание, привод, принудительное освидетельствование или получение образцов крови для сравнительного исследования?

Как справедливо указывает И.Л. Петрухин, сам "уголовный процесс, как правило, – это насилие, это принуждение, основанное на законе. Нет никакой другой отрасли права, где принуждение было бы так сильно развито, как в уголовном процессе. Уголовный процесс – это и задержание подозреваемых, и

аресты обвиняемых, и обыски в жилых помещениях, и прослушивание телефонных переговоров по поручению следователя, осмотр и изъятие корреспонденции, это принудительное доставление свидетеля к следователю для допроса, если свидетель уклоняется от явки по вызову, ... все это сплошь принуждение. И этим принуждением, конечно, надо пользоваться очень осторожно и экономно" [5]. Аналогичное мнение высказывают и П.С. & С.П. Ефимичевы: "Весь уголовный процесс в широком понимании по своей сути является системой принуждения, направленной на решение задач уголовного судопроизводства" [6]. Безусловно разделяют эту позицию и О.Я. Баев и Д.А. Солодов, подчеркивающие, что речь идет "о недопустимости применения именно (и лишь) незаконных мер" [7].

Уголовно-процессуальный кодекс явно и неявно допускает применение даже физического насилия, целью которого является пресловутое понуждение к законопослушному поведению. Примеры такого рода приводит, в частности, А.М. Ларин: "Уклонение от явки по вызову на допрос, отказ выдать искомые предметы, открыть закрытые помещения и хранилища представляют физические формы конфликтного поведения, которое может быть подавлено или нейтрализовано соответственно мерами физического воздействия [8].

Психологическое насилие также вполне возможно в специально оговоренных законом случаях: так, следователь, предупреждая на допросе свидетеля (уклоняющегося от дачи правдивых показаний) об уголовной ответственности по ст. 307–308 УК РФ, оказывает на него очевидное психологическое давление, опять же, понуждая к законопослушному поведению, – и это насилие над личностью свидетеля закон не просто допускает, но императивно предписывает следователю поступать именно таким образом.

"Некоторые лица, – указывают А.И. Козбанов и В.Г. Глебов, – могут отказаться добровольно участвовать или подвергнуться каким-либо действиям. Тогда для достижения поставленной перед собой цели следователь должен использовать сначала психологическое, заключенное в правовых нормах, а

затем, возможно, и физическое воздействие личного характера (опять же – предусмотренное законом), чтобы принудить лицо согласиться на участие в следственном действии или лишить его возможности оказывать противодействие <...> Причем психологическое воздействие может носить как превентивный характер, заключенный в нормах уголовно-процессуального права, так и непосредственный, заключенный в указаниях, предупреждениях, угрозах следователя или иного должностного лица. Моральное и физическое принуждение носят, как правило, характер непосредственного воздействия" [9].

Итак, следует открыто признать, что само по себе насилие – отнюдь не жупел, правомерность его применения в особых, специально оговоренных в законе случаях должна быть закреплена на законодательном уровне. Сформулируем в свете этого поправки к анализируемой ст. 9 УПК РФ:

Статья 9. Недопустимость насилия и унижения чести и достоинства личности

1. Никто из участников уголовного судопроизводства не может подвергаться пыткам, а равно и иному неоправданно жестокому обращению.

2. В ходе уголовного судопроизводства запрещается незаконное насилие и угрозы его применения, а также осуществление действий и принятие решений, неправомерно унижающих честь и человеческое достоинство участника уголовного судопроизводства либо создающих неоправданную опасность для его жизни и (или) здоровья.

3. Применение физического и (или) психологического насилия в отношении любого участника уголовного судопроизводства, а равно угроза применения такого насилия допустимы лишь в исключительных случаях, специально оговоренных настоящим Кодексом, и только в той мере, в какой это необходимо.

4. Применение в ходе следственных действий пыток или иного незаконного физического или психологического насилия (а равно незаконной угрозы насилия) либо осуществление действий, неправомерно унижающих честь и человеческое достоинство участника уголовного судопроизводства или

создающих опасность для его жизни и (или) здоровья, влечёт за собой признание полученных таким путем доказательств недействительными в порядке части третьей статьи 7 настоящего Кодекса.

При этом допустимость применения насилия либо принуждения, сопряженного с угрозой насилия, следует "прописать" в соответствующих статьях УПК, регламентирующих эти исключительные случаи. В частности, имеет смысл дополнить ст. 10 УПК новой частью 1.1:

Статья 10. неприкосновенность личности

...

1.1. Применение физического насилия при задержании допустимо лишь в случаях, когда задерживаемое лицо оказывает сопротивление, и лишь в пределах, обусловленных этим сопротивлением.

...

Особое внимание, которое уделяет ст. 10 УПК именно задержанию и аресту, представляется в данном случае вполне оправданным. В.М. Корнуков по этому поводу отмечает, что "возможность ограничения неприкосновенности личности сопряжена как с производством ареста, так и с применением других мер процессуального принуждения. Но поскольку арест из всех возможных принудительных действий более всего стесняет личную свободу, Конституция и соответствующие нормативные акты уголовно-процессуального права, закрепляя принцип неприкосновенности личности, формулируют условия ограничения личной свободы только при его применении... Условия же применения других принудительных мер, стесняющих личную свободу, находят свое выражение непосредственно в нормах, предусматривающих применение этих мер" [10].

Определённые вопросы возникают и при внимательном прочтении части 3 ст. 10 УПК: лицо, в отношении которого в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу, а также лицо, которое задержано по подозрению в совершении преступления, должно содержаться в условиях, исключающих угрозу его жизни и здоровью. Увы, эта норма никак не учитывает условий

содержания задержанных и арестованных в следственных изоляторах, не выдерживающих никакой критики. Однако сама норма не нуждается в коррективах – корректировать (и в срочном порядке) надлежит сами эти условия.

[1] Комментарий к УПК РФ / Верин В.П., Мозяков В.В., ред. – М.: Экзамен, 2004, с. 59.

[2] Колоколов Н.А. Оперативный судебный контроль в уголовном процессе. – М.: Юрист, 2008, с. 108.

[3] Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к УПК РФ. Изд. 5-е, перераб. и доп. / Смирнов А.В., ред. – М.: Проспект, 2009, с. 69.

[4] А.В. Смирнов указывает на необходимость признания недопустимыми доказательств, полученных с применением пыток или иного недопустимого насилия (Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Указ. раб., с. 71), – мы полагаем, что это справедливое требование имеет смысл закрепить в отдельной части ст. 9 УПК.

[5] Петрухин И.Л. Уголовный процесс и трудности, возникающие при расследовании и разрешении уголовных дел в судах // Лекции по основам правовых знаний для журналистов, вып. 16 / Под ред. Г.В. Винокурова, А.Г. Рихтера, В.В. Чернышова. – М.: Центр "Право и СМИ", 1999. См. также: Петрухин И.Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. Общая концепция. Неприкосновенность личности. М.: Наука, 1985.

[6] Ефимичев П.С., Ефимичев С.П. Расследование преступлений: теория, практика, обеспечение прав личности. – М.: Юстицинформ, 2009, с. 86.

[7] Баев О.Я., Солодов Д.А. Производство следственных действий: криминалистический анализ УПК России. – М.: Эксмо, 2009, с. 17.

[8] Юридическая конфликтология / Под ред. В.Н. Кудрявцева. – М.: ИГП РАН, 1995.

[9] Козбанов А.И., Глебов В.Г. Вопросы реализации назначения уголовного судопроизводства при производстве следственных действий // Актуальные вопросы применения уголовно-процессуального и уголовного законодательства в процессе расследования преступлений (к 90-летию проф. И.М. Гуткина), часть 2. – М.: Академия управления МВД РФ, 2009, с. 176–181.

[10] Корнуков В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. – Саратов, 1978, с. 39.